

Содержание

Часть первая 13

Часть вторая213

Нет на свете ничего прекрасней заросшего русского кладбища на краю небольшой деревни.

Тихое, неприметное издали, лежит оно под густыми купами берёз, теряется в зарослях боярышника, бузины и сивой, годами не кошенной травы, что стоит высокой, до пояса, стеной на месте бывшей здесь некогда ограды.

Случайный прохожий, следующий мимо по неширокой полевой дороге, замечает эту своеобразную изгородь, возведённую матерью-природой взамен развалившейся человеческой, покосившиеся, но всегда гостеприимно распахнутые ворота, кресты, неброско, но явственно мелькающие меж толстых берёзовых стволов, заставляющие невольно замедлить шаг или вовсе остановиться.

Прохожий останавливается, смотрит, затем сходит с пыльной дороги на неприметную стёжку и медленно идёт к кладбищу. Пройдя ворота, он делает несколько шагов и снова останавливается, теперь уже надолго.

Как всё заросло вокруг! Какое запустение и торжество

жизни над смертью. Сочная, густая трава покрывает всё. Как красива она, сильна и разнообразна! Здесь зверобой и иван-чай, душица и мята, кукушкин лён и пижмы. Земляника стелется по еле различимым холмикам могил кудрявым ковром, дразня алыми бусинками ягод, папоротник заслоняет трухлявые кресты своими резными листьями, крапива высится, перерастая ржавые ограды.

Трудно разыскать здесь знакомую могилу: иной крест упал, другой сгнил, лишившись перекладин, превратившись в столб, а на третьем вырос мраморно-белый мох, начисто скрыв имя погребённого.

Вот простенькая ограда, завалившаяся под натиском колючих веток шиповника, а рядом — другая, побогаче, проросшая молодой берёзкой и повисшая на ней: растёт юное деревце, тянет за собой ржавые прутья.

Тихо, прохладно под раскидистыми кронами. Полуденное солнце почти не проникает сюда — лишь изредка скользнёт тонким лучом по замшелой крестовине и пропадёт в обильной зелени.

Как хорошо здесь. Как свободно и спокойно дышится. Хочется сесть на траву, прислониться к бугристому стволу старой берёзы и слушать, слушать немолчный шум крон, забывая обо всём бренном, мелочном, недолговечном.

Пахнет земляникой, прелью и лесными цветами. Птицы перекликаются в зелёной выси. Жужжит толстый шмель на бело-розовом цветке клевера. Ни глазу, ни душе не требуется привыкать к кладбищенскому ландшафту — здесь всё как будто существует для молчаливого созерцателя, всё рассчитано на него, дабы помочь ему обрести душевный покой, прояснить мысли, возвысить чувства. Долго сидит он, думая о вечном и преходящем,

истинном и ложном, конечном и бесконечном. А над кладбищенскими берёзами тем временем неторопливо проплывают облака, собираясь вдали, у синей стены бара, в грозовую тучу.

За перелеском в неширокой извилистой речушке босоногая деревенская детвора ловит плетёнкой пёскарей, так что весёлый плеск и крики иногда долетают до забытых могил. Но ничто не потревожит спящих вечным сном — ни восклицания, ни смех, ни грозный в своих продолжительных раскатах июльский гром, оживающий в недрах надвигающейся тучи. Гремит он, заставляя путника встать, напоминая о земных делах и заботах: пора под крышу, к людям, гроза уж близко.

Уходит путник поспешным шагом, минуя старые ворота, оставляя следы на сочной траве.

Кладбище провожает его, как и встретило: немо, внимательно. Кресты молча смотрят вслед — большие и малые, покосившиеся и прямые, созревшие и целые. Стоят они бессловесными хранителями покойных, с русской покорностью распростёрши деревянные руки...

Снова гремит гром. Тёмно-лиловая, с палевыми краями туча надвинулась, дыша прохладой. Темнеет. Смолкают голоса птиц. Перелетая с ветки на ветку, спускаются они ниже, порхают меж крестов. Вот одна — серогрудая остроносая овсянка присела на верхнюю перекладину высокого креста. Он поновей остальных — стройный, дубовый, крепко сбитый, не успевший посереть. Да и могила не заросла — молодая травка пробивается из песчаного холмика.

Овсянка чистит клювик, царапая крест. Темнеет настолько, что всё теряется меж белых стволов, смешиваясь в зелёном полумраке, и уже трудно прочесть надпись

на кресте. Только крупно вырубленное имя покойного — РОМАН — различимо на большой перекладине, да и оно скоро пропадает в усиливающемся сумраке.

Гремит уже над самой головой, бьют по листьям первые увесистые капли. Слышно, как дети весело бегут домой.

Проходит ещё несколько мгновений сумрачного за-тишья, и тёплый, благодатный ливень обрушивается на притихшую землю.

Часть первая

I

Поезд дёрнул в тот самый момент, когда Роман опустил свой пухлый, перетянутый ремнями чемодан на мокрый перрон.

Короткий свисток заставил его оглянуться. Зелёные, забрызганные дождём вагоны тронулись со скрипом, усатый проводник, стоящий в проёме двери, помахал рукой:

— Зонт-то раскройте, а то промокнете!

— Мерсі! — ответно махнул ему Роман и стал раскрывать большой чёрный китайский зонт с ручкой в форме драконьей головы.

Кругом было всё мокро — узкий деревянный перрон, перила, скамейка, голые, прямые, словно шпаги, ветви тополей с набухшими почками. Набирающий ход поезд снова засвистел, хлопнула железная дверь, замелькали зашторенные окна.

Роман подошёл к перилам, положил руку, затянутую в серую замшевую перчатку, на крашеное облупившееся дерево.

Тёплый дождь, первый дождь в этом году, мелким бисером сыпался на зонт, слабые порывы ветра качали тополя, несли водяную пыль.

За перилами лежало просторное, запаханное с осени поле со следами снега, почти уже сошедшего. Дальше было мелколесье — прозрачное, синеватое, растворяющееся в белёсом утреннем воздухе.

Вокруг не было ни души.

“Значит, не встретил никто, — весело подумал Роман. — Ну и прекрасно! Пойду через лес. Напрямик здесь три версты, это чудное путешествие”.

Сунув руку в карман своего светло-серого пальто, он достал часы. Было четверть восьмого.

— А уже вовсю светло, — проговорил Роман вслух, подхватил чемодан и бодро зашагал к концу перрона, небрежно прикрывшись зонтиком, подставив своё молодое красивое лицо свежему апрельскому воздуху.

Роман был красив той красотой, которая встречается обычно у скандинавов, а в России именуется “немецкой”. Его высокая, худощавая, слегка сутулая фигура с не очень широкими плечами всегда бросалась в глаза из-за чересчур размашистой и быстрой походки, выдающей характер искренний и порывистый. Белокурые волосы, выбивающиеся из-под светло-серой, как и пальто, шляпы, были мягки, волнисты. Черты лица отличались правильностью, если не считать некоторой тяжеловатости подбородка и тонкости губ, в то же время имевших неуловимое детское выражение полуулыбки, несоответствующее глубокому взгляду больших серо-голубых глаз. В свои тридцать два года Роман носил небольшие светлые, всегда аккуратно подстриженные усы и такие же небольшие бакенбарды.

Перрон быстро кончился деревянными ступеньками, и обутые в неглубокие калоши ботинки Романа пошли по мокрой, совсем недавно избавившейся от снега земле. Она была мягкой, словно губка, и испуганно прогибалась под тяжестью этого молодого, полного сил человека. Но не успел Роман пройти и десятка шагов, как справа из-за небольшого пристанционного сарая выехала телега, запряжённая каурой широкогрудой лошастью, ведомой под уздцы таким же широким, коренастым, чернобородым мужиком, узнать которого Роман смог бы и за версту.

От неожиданности он остановился, а чернобородый, лукаво скаля белые крепкие зубы, одной рукой ведя чавкающую копытами лошадь, другой, прихватив кнут, приподнял мокрый лисий трех:

— Здравия желаем, Роман Лексеич!

— Аким... — только и проговорил Роман, опуская зонтик, а через мгновение уже тряс крепкую смуглую руку Акима. — Аким! А я уж думал, никто не встретит!

— Ну как можно, Роман Лексеич. Мне ж Лидия Константиновна ещё завчера сказала...

— Спасибо тебе огромное! Как рад тебя видеть! — Роман не выпускал руки Акима. — Борода-то, борода-то всё такая!

— А чего ей будет-то, бороде! — ещё шире оскалился Аким. — А вы вот сильно переменялись. Сильно...

— Неужели? За три года!

— Сильно! — с непоколебимой уверенностью потрянул чёрными с проседью кудрями Аким. — Я сразу никак не признал.

— Серьёзно? — усмехнулся Роман.

— Точно! Поглядел было — кто это идёт? Думаю, что ж это за французский посланник сюды заехал?

Они расхохотались так громко, что лошадь вздрогнула, испуганно тряхнув мокрой гривой, попятилась в сторону. — Балуй, балуй у меня! — поддёрнул её Аким, потянулся к чемодану, но Роман уклонился.

— Не беспокойся, я сам.

Только сейчас он заметил, что перед ним была вовсе не телега, а двухколёсные дрожки с протёртым кожаным сиденьем и красной расписной спинкой.

Роман заложил чемодан за спинку, а Аким принялся быстро крепить его пеньковой верёвкой.

— Что ж ты за сараем прятался? — спросил Роман.

— Так ведь вот из-за этой твари, прости господи! — Аким кивнул на лошадь.

— А что такое?

— Да не переносит она всякую машину, хоть убей! Как поезд идёт — держи крепчей, не то всю амуницию разнесёт к лешему!

— Так она вроде и не молода.

— В том-то и дело! Третий год дубине, а всё с таким диким манером. Вона и щас — как свисток дали, дёргает, быдто черт её седлает, ей-богу. Такая, прости господи, староверка.

Он затащил верёвку узлом, прикрыл чемодан прибитой к спинке рогожей и, сняв трех, вытер ладонью мокрый лоб:

— Ну, славу Богу, Роман Лексеич, что добрались до наших захолустьев. А то я уж ожидаючи грешным делом такое напередумал... — Он махнул рукой и выразительно кивнул в сторону железной дороги. — Я, отец мой, в эту технику тоже не шибко верю...

— Ну, это ты зря! — усмехнулся Роман, с облегчением кладя ему руку на плечо. — Техника — наше будущее.

— Да оно, может, и так, — недоверчиво пробормотал Аким, разбирая мокрые вожжи, — а всё-таки кобылка-то никогда не подведёт. Это не железяка какая-то.

— Кобылка, Аким Петрович, сдохнуть может! — Улыбаясь и прикрываясь зонтом, Роман влез на сиденье.

— Ну так корми лучшей, и не сдохнет! — засмеялся Аким, проворно вскакивая на сиденье. — А ну-ка, девка, поехали!

Он чмокнул, замахнулся коротким кнутовищем, но не ударил, так как лошадь, несмотря на вязкую землю и перечисленные недостатки, легко взяла с места резвой рысью. Дрожки покатались, разбрасывая грязь. Аким правил не на широкий разбитый большак, а на чуть приметную окружную дорогу, тянущуюся по краю поля и исчезающую в мелколесье.

Роман жадно всматривался в окрестности. Здесь всё было на своих местах — поля, лесок, сломанная липа, серые валуны, разлётшиеся вдоль дороги. Но какая-то печать тревоги и бессилия лежала на всём знакомом, много раз виденном, — то ли потому что весной Роман никогда раньше не приезжал в Крутой Яр, то ли из-за почти бессонной ночи всё казалось таким жалким, родным, до боли маленьким; кусты, деревья были голы, в них стоял лёгкий туман, они тянули свои мокрые ветви к серому, слепящему дождём небу, словно молили о пощаде и милости. Да и поле — широкое, уходящее левым краем в туманную даль, не было сейчас тем самым ПОЛЕМ, по искристому снежному савану которого, визжа мёрзлыми полозьями, гнали, бывало, Акимовы санки; или летом, жарким июльским летом встречало оно Романа, раскинувшись ковром цветущей гречихи: в розовом, пахнущем мёдом воздухе кружили мириады пчёл, ветер гулял

по полю, заставляя ходить волнами, колокольчик под синей, обвитой лентами дугой тонко звенел, серый в яблоках рысак Нила Тимофеича нёсся, оставляя за коляской шлейф пыли... Роман вздохнул, придерживая зонт, достал серебряный портсигар с вензелем АВ.

Он давно уже отметил это необычное свойство русской природы — терять ранней весной своё величие, съёживаясь, застывая в жалкой немоте под мелким дождичком. До чего жалок и нем русский лес ранней весной! Стоят богатыри-дубы, вековые дуплистые липы, белоствольные берёзы, стройные ясени и осины, словно слуги, брошенные своим господином на произвол судьбы, стоят с понурой покорностью, распростав голые ветви, будто ожидая неминуемой смерти на этой мокрой безжизненной земле, облепленной прошлогодними листьями. Всё мертво кругом — и кусты, и болото, и поля, всё одинакового серобурого цвета. Только что сошёл снег. Ветер гонит облака по бледному небу. Пролетит с тоскливым криком ворона, едва не задев тяжёлыми крыльями голых макушек, и снова тишина. Стоит лес, ждёт чуда — воскресения своего.

“Совсем как люди”, — подумал Роман, закуривая.

Проехав мелколесье, они въехали в молодой смешанный лес. Держа вожжи, Аким покосился на Романа, с грустной улыбкой оглядывающего окрестности:

— Что-то вы загрустили, Роман Алексеич. Не нравится наша-то глухомань опосля столицы?

— Да что ты вздор говоришь... — поморщился Роман. — Мне, может, столица меньше твоего нравится.

И добавил, глубоко затянувшись папирсой:

— Самая грустная пора в природе. Экая мертвенность... Неправ был Пушкин насчёт осени. Унылая пора. Нет. Вот — унылая пора...

Он кивнул на проплывающий мимо лес. Лошадь бежала всё той же неспешной рысью, постёгивая себя мокрым хвостом.

— А места наши, Аким Петрович, я ни на какие столицы не променяю, — уверенно добавил Роман, хлопнув Акима по колену. — На этих вот полях, берёзах, на таких мужиках, как ты, все столицы и держатся!

Усмехаясь в бороду, Аким качнул головой:

— Ну уж, прямо на таких, как я...

— Именно, именно, дорогой.

Тот снова недоверчиво усмехнулся:

— Вам, стало быть, видней. Вы человек учёный, науки знаете. А вот насчёт местов наших — святая правда! Других таких нету. И по землице, и по лесу. И опять же — река, запруда, рыбка разная. А луга какие! Вот за Семёновой делянкой — коси день, не сподкнёсси. Гладкота какая. А Рогаткин луг! А Кострюков! — Он зацокал языком. — Как еду, бывалоча, заглядюся!

— Ты по-прежнему в объездчиках?

— А куда ж я денусь? Такое уж ремесло моё.

— Жена не бранится, что дома не бываешь?

— Да чего ей браниться... Тпру! Куды тебя лихоманка несёт!

Зачмокав губами и натягивая вожжи, он выровнял лошадь, норовящую свернуть на пересёкшийся большак.

— А что, Аким, Нил Тимофеич всё так же лесничествует? — рассеянно спросил Роман, с жадным любопытством осматриваясь по сторонам.

— Прошлом годе преставился, царствие небесное, — проговорил Аким.

— Ей-богу?

— На Троицу. От удара. Сердце, стало быть, не выдержало.

- Жаль. Хороший человек был...
- Хороший.
- Охоту любил, как никто.
- Святая правда. Без ружья и собаки в лес не ходил. Большой знаток был в охотничьих искусствах.

Аким удовлетворённо вздохнул, довольный произнесённой им фразой.

- А кто теперь лесничий?
- Новый. Адам Ильич Куницын.
- Откуда?
- С Чернигова.
- Дельный человек?
- Ничаво, — без особого энтузиазма ответил Аким. — Порядок любит. Чтоб без воровства опять же. Рыбку ловить уважает. Говорят, раньше большим военным был, да что-то там проштрафился и теперь у нас царствует.
- А лет ему сколько? — спросил было Роман, но, чувствуя, что биография нового лесничего ничуть его не интересует, тут же перебил: — Слушай, Аким Петрович, что, Красновские приезжали летом?
- Красновские... — наморщился Аким, отчего лицо его стало непривычно угрюмым. — Да, приезжали. Как же. Надежда Георгиевна, Пётр Игнатьич. Зоя Петровна опять же.
- Она замужем? — быстро спросил Роман, бросая недокуренную папиросу.

Аким пожал плечами:

- А почём я знаю? Может, и замужем.
- Серёжка приезжал с ними?
- Сергей Петрович? Как же. Приезжал. Они тут каждое лето бывают.
- Всё такой же шалопай?

— А что ему сделается.

Роман хотел было ещё о ком-нибудь спросить Акима, но в это время лес неожиданно расступился, открывши прекрасную, подлинно живописную панораму.

Она всегда, во все приезды Романа заставляла его врасплох, появляясь неожиданно, как и положено всему чудесному, поражая и радуя до слёз, заставляя каждый раз замирать.

Аким знал об этом и, не ожидая просьбы, натянул вожжи.

Дрожки остановились.

Чудный вид открывался впереди, дорога тянулась дальше и стремительно шла вниз, под уклон, как и всё огромное поле, окаймлённое по краям синей полоской леса. А внизу, в утренней прохладной дымке по берегам извившейся неширокой лентой реки, лежал Крутой Яр.

Дождь перестал, и, несмотря на лёгкий туман, отсюда с пригорка были хорошо видны дома, сараи, бани, изгороди, ивы, склонившие голые ветви к реке, “журавли”, нависшие над колодцами, мостики, огороды с пугалами.

А над всем этим, чуть подале, выростала из тумана небольшая, но изумительно красивая белая крутояровская церковь. Роман смотрел так, словно это было последнее, что суждено ему увидеть на земле, словно вот-вот сейчас промелькнут мгновенья и разлетится этот чудесный мир, исчезнет навсегда среди мрака Вселенной по непреложной воле Создателя. У Романа перехватило дыхание.

Он смотрел не отрываясь, боясь пропустить что-то.

А внизу перекликались петухи, слышались голоса людей и лай собак, тянулись вверх утренние дымы. За церковь, чуть правей, после быстрых изгибов реки виднелся флигель Красновских. Он, казалось, был совсем рядом — протяни руку, и заскрипит дубовая дверь с мед-